

В итоге прогулка за покупками превратилась в выход в свет на троих.

Джо не выказал ни капли недовольства, ведя себя так, будто с самого начала планировал пригласить и Лизи, и Карла. Тот, в отличие от него, не умел столь искусно скрывать чувства: его неприязнь и враждебность по отношению к Джо проскальзывали в каждом слове, в каждом жесте, подобно острым иглам.

Столкнувшись друг с другом, они напоминали двух задиристых петухов. Карл топорщил перья, вытягивал шею и суетился, в то время как Джо с достоинством демонстрировал свой яркий гребень и пышное оперение, отделённый от соперника высокой изгородью.

А Лизи, ради чьей благосклонности они затеяли этот спор, была похожа на прекрасный подсолнух, выросший на той самой изгороди. Её совершенно не заботило, что происходит в крошечных петушиных мозгах.

Атмосфера была натянутой. К тому же Лизи не принадлежала к числу женщин, готовых тратить часы, кочуя из лавки в лавку. Джо с трудом представлял, как светские дамы умудряются без усталости проводить всё свободное время на этой улице. Вскоре их поход подошёл к концу.

Карл приобрёл магический посох, который его полностью устроил. Дизайн остался прежним — сдержанным и внушительным, но кристалл элементарной магии на вершине стал более насыщенным и прозрачным.

Лизи купила несколько платьев и кое-какие мелочи, после чего они покинули улицу Ухвор. Вслед за их уходом шумная толпа ничуть не поредела: люди самых разных профессий продолжали сновать по мостовой.

Вернувшись домой, Джо первым попрощался с остальными. Карл вызвался помочь Лизи с вещами: нагруженный многочисленными свёртками и пакетами, он боком протиснулся в дверь.

В гостиной Сириэль, исчезнувший ещё утром, сидел в глубоком удобном кресле с толстой книгой в руках. Перед ним на столике стоял стакан сладкого сока, но юноша к нему даже не притронулся.

— Ты уже здесь! — радостно воскликнул Карл. — Жаль, что тебя не было утром, мы с Лизи отлично прошлись по магазинам.

Сириэль отложил книгу, и Карл спросил:

— Где ты пропадал?

В этот момент из кухни вышла молодая женщина. На ней было простое платье и передник,

волосы заплетены в две косы, а на голове аккуратно повязан платок. В руках она несла два стакана свежавыжатого ягодного сока.

Лицо незнакомки казалось холодным. Черты её были заурядными, она и вполнину не была так красива, как Лизи, однако в её осанке и взгляде чувствовалось благородство и особый шарм.

Карл опешил, а затем бросил на Сириэля многозначительный взгляд, в котором читалось: «Брат, не ожидал, что тебе нравятся такие».

«Так вот где он был всё утро — встречал свою пассию», — решил про себя Карл.

Сириэль, не обращая внимания на его гримасы, мягко произнёс:

— Это Хайди, моя горничная. Отныне она будет отвечать за кухню и порядок в доме.

Хайди подала сок Лизи и Карлу, сдержанно произнеся:

— Господин, госпожа, прошу вас.

Лизи приняла стакан и, по привычке решив уколоть Сириэля, заметила:

— Сириэль, ты настолько беден? Твоя служанка одета в какие-то обноски.

— Если тебе её жаль, Лизи, ты всегда можешь подарить ей платье, — Сириэль с улыбкой развёл руками.

Лизи осеклась, чувствуя, как закипает гнев. Она просто отвела взгляд и протянула Хайди один из только что купленных нарядов. Ростом служанка была схожа с принцессой, так что одежда должна была прийтись впору.

С появлением горничной жизнь стала куда удобнее. Карл так и не привык отдавать приказы рабам, хотя на улице Ухвор и были невольничьи рынки. Он даже сомневался, не стоит ли нанять кого-то для Лизи, но теперь, когда в доме была Хайди, всё упростилось.

После обеда, приготовленного Хайди, им предстояло отправиться в замок. Около пяти часов вечера в Большом зале должна была состояться торжественная церемония Академии Франкц. Именно там студенты впервые увидят своего директора.

Зал располагался по левую сторону от сводчатой галереи замка. С высокого потолка свисали

массивные люстры, на каждой из которых теснились сотни белых свечей. Когда их зажгли, казалось, будто зал наполнился сиянием звёзд, залившим всё вокруг золотым светом.

Вдоль стен тянулись два ряда широких окон с цветными витражами. По центру зала был расстелен длинный расшитый ковёр, по обе стороны от которого стояли столы. Одна сторона предназначалась для магов и чернокнижников, другая — для рыцарей, воинов, лучников и ассасинов.

Студенты входили цепочкой, постепенно заполняя места. За окнами сгущались сумерки, и свет люстр становился всё ярче.

Заметив друзей, Джо издали помахал им рукой, и вся четвёрка снова уселась вместе. Когда зал наполнился до отказа, в дверях показались наставники Академии.

В глубине зала, прямо перед Сириэлем и его спутниками, на возвышении стояли столы и кресла. Пожилой человек занял место в самом центре. Это был директор Академии Франкц — великий Дэмпс, маг Святого ранга!

Директор Дэмпс выглядел одновременно величественно и добродушно. Его густые седые волосы блестели в свете свечей, а морщины на лице казались следами глубокой мудрости. Чёрная мантия сидела на нём безупречно. К поясу была пристегнута ветвь из ярко-зелёных листьев, а в добром взгляде, которым он окинул студентов, сквозила пронзительная зоркость.

Госпожа Клоу начала представлять наставников. Первым делом она назвала директора, и зал взорвался громом аплодисментов.

Среди всех преподавателей Карл и Лизи знали лишь двоих: госпожу Клоу и мастера Матта, который проводил их испытание. Сириэлю же был знаком ещё один человек...

Этот наставник сидел с самого края длинного стола, в тени, куда почти не доходил яркий свет. Лишь когда Клоу назвала его имя, собравшиеся смогли разглядеть его.

Измощённое лицо и худощавая фигура, грязная, потрёпанная мантия, отрешённый взгляд и аура желчности. Бледная кожа в сочетании с налитыми кровью глазами вызывала у любого невольное отторжение и дрожь.

Наставник Баритуа.

Сириэль всё так же мягко улыбался, и его улыбка при свете ламп казалась ещё более чарующей, заставляя девушек смущённо отводить глаза. Однако никто не видел, что его лазурный взгляд стал ледяным.

Мелкий, бесконечный дождь шёл много дней подряд. Когда он стих, небо осталось затянуто серой пеленой, а мраморные плитки дорог стали скользкими и липкими.

Маленький, истощённый Сириэль выбежал из промокшего леса на дорогу. Ноги его подкосились, и он тяжело рухнул на камни. У него не было обуви, и кровь из израненных ступней оставляла алые следы на шершавом мраморе.

Как мог ребёнок быть таким худым? Кожа да кости. Тонкие руки и ноги покрыты синяками и кровоподтёками. Губы его посинели от холода, и он судорожно кусал их, обнажив два острых клыка.

У мальчика был удивительно красивый подбородок, заставлявший гадать, насколько же прекрасно это дитя. Но стоило взглянуть чуть выше, как случайный прохожий в ужасе поспешил бы прочь, осыпая ребёнка проклятиями. Вся левая сторона лица маленького Сириэля была изуродована гниющими язвами, источавшими тошнотворный запах. Жёлтый гной и бурые корки покрывали кожу, сквозь которые сочилась кровь.

А глаза — пугающие, разные по цвету, в которых, казалось, не было ничего человеческого. Этот ребёнок был не просто уродлив и грязен. Он был выродком, которого следовало сжечь на костре.

Он падал слишком часто, и преследователь был уже совсем близко. Сириэль слышал голос, от которого кровь стыла в жилах, — хриплый, каркающий звук, похожий на крик кладбищенского ворона:

— Стой, щенок! Попадись мне только, я вырву твои кости и сотру их в порошок!

Грязный, неопрятный Баритуа в безумном восторге бормотал:

— Хе-хе, с кровью и плотью я уже покончил, интересно, каков будет эффект от костей?

Отчаяние сдавило горло Сириэля. Ему казалось, что кости его уже дробятся, а кровь в жилах закипает. Никто не видел, как в его странных глазах вспыхивал свет, будто некая неведомая сила пыталась вырваться наружу.

Он не хотел сдаваться. Он отказывался умирать! Он не примет такую судьбу!

Сириэль споткнулся снова. Сзади донёсся торжествующий смех, подобный голосу дьявола из преисподней. Мальчик приподнялся на израненных руках, в ушах стоял невыносимый звон, а зрение застилал туман. Внезапно на пустой дороге он увидел фигуру в длинной мантии, колышущейся на ветру.

Маленький Сириэль понял: этот незнакомец — его последний шанс. Откуда-то взялись силы,

он рванулся вперёд и, повинувшись какому-то порыву, юркнул прямо под подол широкой мантии, намертво вцепившись в одежду человека сзади.

Он прижался лицом к чужой пояснице. Мир исчез. Больше не было тошнотворного запаха гнили и крови — его сменил тонкий, едва уловимый аромат. Позже Сириэль узнает, что так пахнут благовония.

Теперь его жизнь зависела от этого незнакомца. Больше надеяться было не на кого — он был слишком слаб.

Тело мальчика натянулось, как струна. Ощущая чужое тепло в окружающей его темноте, он замер. Каждое мгновение было исполнено страха, но в то же время дарило странное чувство защищённости.

Это была азартная игра со смертью. Либо незнакомец проявит милосердие и спасёт его, либо, не пожелав вмешиваться, просто выдаст Баритуа.

Он надеялся на первое. Но если случится второе...

Взгляд маленького Сириэля вспыхнул ядовитой ненавистью. Если он выживет, то однажды станет настолько могущественным, что заставит каждого своего мучителя познать все круги ада.

Он обязательно это сделает!

Маленький Сириэль был похож на загнанного в угол леопарда — израненный, но опасный. Если он сумеет выжить в этой западне и вырастет, он лично перегрызёт глотки всем гиенам, что за ним охотились.

<http://bllate.org/book/17553/1708926>